

ДМИТРИЙ ТРИПУТИН

ИЗБРАННОЕ

STELLA
Германия-2012

T₆₇

© Дмитрий Трипутин. Избранное.

Выпущено при содействии Международной гильдии писателей — International Guild of Writers — Internationale Schriftstellergilde.

<http://schriftstellergilde.org>

Германия: STELLA, 2012.

© Все права защищены.

© Дизайн обложки: В. Цветков.

Верстка: Л. Баумгартен.

Книга выходит в авторской редакции.

ISBN 978-3-941953-92-5

Verlag «STELLA»
Deutschland
ISBN-Verlagsnummer 978-3-941953

Дмитрий Трипутин

Избранное

Пленник

Откуда столько теплоты,
Такой родной и неизбежной,
Неосязаемой, но нежной,
Что излучаешь только ты?

Лишь взглядом, взмахом головы,
Порывом грации небрежной,
Влечёшь с томительной надеждой
Всё ближе милые черты...

Но между действием и словом,
Противоречием суровым,
Холодный, ранит твой ответ.

Печальный пленник идеала,
Ищу в глазах призывный свет,
Спеша пройти весь путь сначала...

Вдвоём

СОНЕТЫ

Без тебя не растают снега
Под тускнеющим золотом солнца.
Не утешит прохлада колодца,
И безлика, безлюдна толпа.

Ночь приходит, пуста и темна,
Ни ответа в ней нет, ни вопроса.
Вдохновение кончилось просто,
Ночь осталась для чуткого сна.

Есть места — мы гуляли вдвоём,
Там дыханье осталось твоё,
А присутствие так ощутимо...

И я снова капризен, упрям,
А ты рядом шагаешь незримо...
Мама. Лучшая в мире из мам!

Мой мир

Мой мир, наполненный тобой,
Весьма тревожен и опасен.
Твой лик томительно прекрасен,
И разум борется с мольбой.

Непонимающий, хмельной,
Я внешне прост и безучастен.
Но над собой уже не властен,
Ведомый нежностью простой.

А ночь сменяется рассветом,
Зима — коротким жарким летом,
Во всём я чувствую твой след.

Всё так нелепо. Безнадёжно.
И губы твердо шепчут: «Нет».
Но взгляд сияет. Как всё сложно!

Постскриптум

Он тебе расскажет о любви,
Промолчит о похоти и страсти.
Ты пропустишь признаки ненастья
В неприметных тучах впереди.

Вот прильнёшь доверчиво к груди,
Жизнь свою спеша наполнить счастьем.
Не спасись девичьей кроткой властью
От привычно ищущей руки...

Всё пройдёт. Погаснешь и забудешь,
О любви мечтать уже не будешь
В наш духовно небогатый век.

И ничто не вызовет сомнений:
— Будто бы причин реальных нет
Для моих классических волнений!

Пророк

Сколь широка тропа порока,
Столь узок у обрыва край.
Хор зло фальшивит: «Выбирай», —
И это, может быть, жестоко.

Но я шагаю одиноко
И лишь смотрю печально вдаль.
Душа познала ад и рай,
А на устах печать пророка.

Легко спешить, не успевая
И всё на свете проклиная,
Утратить праведный покой.

Так часто побеждает хищник,
Непримиримый и чужой.
Души чувствительной противник.

Полёт

Вот падаю камнем и снова взмываю,
Здесь ветер, но ярче заря!
Я помню, как сладко внутри обмирало,
Когда приближалась земля.

Свет истины робко белеет вначале,
Но вдруг ослепительный шквал!
И больше уже ничего не мешает,
Что странно — всегда это знал!

За краешком мысли в неясном тумане,
То знание было всегда.
И, слыша слова «Человек не летает»,
Слегка улыбалась душа.

Всего лишь простое движение чувства,
Словами нельзя описать.
Летаю один, а от этого грустно,
И проще всего показать...

О вечном

От этого мира мне что-нибудь надо?
Ну, может быть, цитрусов и шоколада.
А может быть, моря и пляжа кусочек,
Пока задержался последний звоночек?

Плескалась вода в такт походке и бёдрам
В заброшенных ныне и сплюснутых вёдрах.
Урок повторяя о малом и бренном,
Отдам всё, что есть, чтоб не быть современным.

Пусть смехом растопит истерику плача,
Улыбка сотрёт все следы неудачи.
Мне времени жаль рассуждать о конечном,
Но мало его, чтобы мыслить о вечном.

Деревья, качаясь, прошепчут невнятно,
Так просто, легко и совсем непонятно.
Лишь ветру известны последние строки,
Ему допевать, когда выйдут все сроки.

От этого мира мне что-нибудь надо?
Конечно, рассвет и ночную прохладу.
Немного тепла и немного покоя,
И помнить о вечном спокойно, без боли...

Верю

Лес и ночь, а я — ребёнок,
Потерявшийся во тьме.
Для спасенья нет силёнок,
Горько плачу в тишине.

...Город, день, а я — старею,
Продолжая свой маршрут.
До сих пор по-детски верю,
Что меня сейчас найдут.

На реке

Ветер треплет, клонит травы,
По реке гоняет рябь.
Принесёт с собой прохлады,
Где-то спрячется опять.

Поплавок давно не тонет,
Мне уже пора идти.
Но душа от счастья стонет,
От покоя у реки.

Кто — я, что — я и откуда?
Как пришел, куда уйду?
Я забыл об этом думать,
Сам не знаю почему...

Возвращаюсь без улова,
Но легко себя простил.
Я сказал себе два слова:
Не поймал — не погубил!

Ассоциации

...Я долго был снегом, искрился и таял,
Приятно холодный на чуткой земле.
Чистейший и белый, я прыгал с деревьев,
Дрожа, растворялся в кристальной воде.

Я помнил, как было, и ведал, как будет.
Почти неизменны проходят века.
Я в каждой снежинке спускался на землю,
В глубоком согласии тихо кружа...

И был я рекой без конца и начала.
Уютно скользил, предаваясь игре;
В объятиях леса не зная печали,
На солнце сверкал и дремал при луне.

Смеясь, отражал облака и деревья,
Пугал корабли деловитых людей;
То вдруг обмирал, океан постигая,
И снова рождался в хрустальном ключе.

Я был человеком — искателем счастья,
Забывшим, что главное в мире — покой.
За что-то боролся, сгорая от страсти,
Чего-то искал, недовольный собой.

С бессмертной душой, околдованной телом,
Изгнанник с вершин бескорыстной любви.
Рождался в забвении снова и снова...
Теперь не люблю вспоминать эти дни.

Сегодня я ветер — упругий и сильный.
По кронам деревьев крадусь не спеша.
С разбега врываюсь в еловые дебри,
Чтоб там притаиться, почти не дыша...

Жалею ряды неуклюжих построек,
Наивную гордость больших городов.
Я в мыслях людей прочитал беспокойство:
То — отзвук забытых пророческих слов...

Я буду огнём, обитающим в недрах,
Вся звёздная россыпь — обитель огня.

Для тех, кто читает без слов, только чувством,
Везде полыхают мои письма.

Лишь взгляды с земли упрутся в небо,
Где звёзды — случайные искры костра.
Межзвёздные дали пронизаны светом,
Что ярче любого весеннего дня.

Путь

Теперь уже совсем немножко,
Ну, может быть, ещё чуть-чуть.
И я пойму, как мыслит кошка,
Опасный выбирая путь.

Увидев то, что знаю с детства,
Я обнаружу новизну.
В непонимании заветном
Предвижу смысл и глубину.

Спрошу об этом у деревьев,
Сливаясь с чуткой тишиной.
И от бесхитростных ответов
Оттаю сердцем и душой.

Весной берёзки так стыдливы,
Не в силах укрывать стволы.
Кусты и травы — все живые,
И все ранимы и слабы.

В каких неведомых глубинах
Рождался бабочки полёт?
Метаморфоз принять не в силах,
Смотрю на гусениц и плод.

Уже совсем не понимая,
Как жить и как устроен свет.
Я, может быть, почти узнаю,
Зачем рождается поэт.

Ни о чём

Ни о чём прозвенели капли,
И дожди ни о чём прошумели,
А ветер забыл все слова.
Но тянутся к солнышку ели,
Деревья и разные звери.
У каждого песня своя.

Нельзя не сказать ни слова,
И я распадаюсь снова
На тысячи мелких частей.
Но это совсем не ново,
И у кого-то другого,
Наверное, было больней...

Философская лирика

Оранжевый сон

Мой дом наполнился оранжевым и жёлтым,
Свет золотом раскрасил тишину.
Бывает солнце гостем мимолётным,
Здесь солнечно без солнца наяву.

Тигрёнок жёлтый, яркий, полосатый
Лениво лапы мне кладёт на грудь.
И норовит сияющий, лохматый
Меня, слегка прищурившись, лизнуть.

В ладонь уткнулся носом влажным, нежным
Доверчивый оранжевый сайгак.
Я становлюсь огромным, безмятежным.
И без причины счастлив, просто так!

Теперь я понял, их должно быть трое:
Завис, порхая, жёлтый попугай.
Он ищет место, где себя пристроить,
Куда-нибудь повыше и на край.

Я тих и счастлив, значит, так и будет,
И значит, я всё это заслужил.
Возможно, в бесконечных серых буднях
Я всё-таки чего-то совершил?

Мой чёрный кот весьма сосредоточен
И тянется к пернатому комку.
Он не уверен и совсем не точен,
Но тает путь в волшебную страну...

Уходит чувство праздника и счастья,
Здесь сумерки и мрачен колорит.
А за окном все признаки ненастья,
И кот в глаза так пристально глядит.

Времена

Я от прошлого хочу совсем немного:
Фотографий памятных альбом,
Сборник старых песен и мелодий,
Памяти печальный перезвон.

Будущее строя осторожно,
Заполняю чем-то пустоту.
В настоящем жить совсем не сложно:
Это просто грёзы наяву.

Сосуд

Печально полон наш сосуд
Привычек, правил, заблуждений.
Но всех когда-нибудь спасут
Минуты редких откровений.

Откровения поиска

Где тот ветер ласковый, что печаль развеет?
Где ручьи студёные, что вода чиста?
Где трава душистая, что так мягко стелет?
В те края счастливые попаду ли я?

Подойду, шатаюсь, в тень свалюсь пятнистую
И под гул в вершинах растворюсь в цветах,
Забывая медленно суету бесцельную
В неподвластных разуму шумных городах!

Пора

...Но ветер прошептал: пора
В порядок приводить дела.
Учусь прощаться с этим миром,
Как будто это лишь игра...

Всё впереди

Всё — впереди, только выхода нет.
Ветер уносит запутанный след,
Трогаю твёрдость шершавых стволов.
Лучшая песня осталась без слов.

Всё, что имею, таскаю с собой
И продолжаю проигранный бой.
Образ надежды растаял вдали...
Радость печальная... Всё — впереди!

У последней черты

Философская лирика

Только здесь — у последней черты —
Открываются тайные двери...
Проникаю в тугие узлы
Невозможных чужих измерений.

Обрывая лохмотья амбиций,
Потеряв свой залеченный труп,
Наконец, просветлённый и чистый,
Наблюдаю движение вокруг...

Я стараюсь усвоить уроки.
Жаль — забуду, вернувшись назад.
Будет помнить об этом глубоко,
Недоступном и близком лишь взгляд...

Я вернулся, не знаю откуда,
Но уже понимаю куда.
Злых детей, ожидающих чуда,
Принимаю... Господь Вам судья...

Всё в порядке

Дома всё в порядке;
Покой и тишина.
В свинцовом полумраке
Дрожит квадрат окна.

И мне почти уютно,
И я почти в тепле.
Но лишь немного грустно
В звенящей пустоте...

Виноват

Просыпаюсь в грязи и лохмотьях,
Невесёлый беззубый оскал.
Бесконечно больной, осторожный,
Тот, который всегда побеждал.

Вспоминаю себя чуть моложе,
Не namного — полжизни назад.
Не мудрец, но сильнее и строже,
Перед ним я давно виноват...

Томление

Зачем томится дух в темнице,
Где окна — слабые глаза?
Зачем по венам кровь струится,
То обжигая, то дразня?

Когда глазниц пустые очи
На мир посмотрят свысока,
Не будет дней темнее ночи,
Утихнет вечная мольба.

Ступая очень осторожно,
Услышать можно тихий зов.
И так томительно, тревожно
Поверить в явь из дивных снов...

Догма

Я знаю только то, что ничего не знаю.

Сократ

Меняю предрассудки на удачу,
А рассуждения — на чувственный экстаз.
От счастья, не стесняясь, я заплачу,
Жалею только, что ещё не в этот раз.

Все точки зрения — изысканные шоры —
Без сожаления меняю каждый день.
В границах тесных языка и слова
Я лишь инакомыслящая тень.

Стремлюсь сказать словами то, что должен,
Особенно о чём нельзя сказать.
О музыке, о чувствах, о тревожном,
О том, как хорошо с рассветом встать.

О гулком ожидании вокзала,
О рельсах и гудках, зовущих в даль,

О том, как плачет в сумерках гитара,
Найдя в душе ответную печаль.

Любое утверждение — лишь догма,
Избавим мир от собственных цепей.
Прямее будет верная дорога,
А путь по ней, конечно веселей.

Не в кружеве логических строений
Я истины ищу и нахожу.
И если ты хоть в чём-нибудь уверен,
То я с тобой скучаю и ...скорблю.

Философская лирика

Счастье

Никуда ходить не надо,
Счастье рядом, прямо здесь.
Это — данность, не награда,
Оно было, будет, есть!

Кто рождён — имеет право
Обрести покой и свет.
Вечной радости отрада,
В каждом ждёт утра рассвет.

Беспокоиться не нужно,
Всё давно разрешено.
Лучше весело и дружно
Жить, как было суждено.

Обернутся мысли плотью,
Ты получишь что хотел.
Ясным днём и звёздной ночью
Будь творцом великих дел!

Тигр

Под лапами мягко пружинит трава,
Иду совершенно бесшумно.
Попрятались звери, кругом тишина,
Лишь свет разливается лунный.

Конечно, я хищник — инстинктов слуга,
Но это меня не печалит.
И весь этот лес, и река, и луга —
Мои. И об этом все знают.

Здоровой природе неведома грусть,
А также отравы сомнений.
С охоты когда-нибудь я не вернусь,
И этим исчерпаны темы.

Лишь тварей двуногих всегда обхожу,
Их запах противен и резок.
Источник их силы понять не могу,
Крадусь постоянно по следу.

Они не отсюда, им место не здесь,
Я их победить не сумею.
И стонет под пилами девственный лес,
И падают кедры и ели.

Гладиатор

*Наша жизнь есть то,
что мы думаем о ней.
Марк Аврелий*

Оскалом улыбки пугаю врагов,
Сейчас я действительно рад.
Тоска подступает, когда нет боёв,
И я существую как раб.

Мой страх похоронен на той стороне,
Где были друзья и семья.
Теперь выживаю, такой же, как все,
Как многие здесь до меня.

И каждый мечтает вернуться домой,
Спасти и уйти навсегда.
Но дом мой разрушен, моё всё с собой,
А значит, я здесь до конца.

Я быстрый и сильный, уверен в себе,
И опыта не занимать.
Но силой ли, слабостью скажется мне,
Что нечего больше терять?!

Вот снова арена, трибуны и рёв,
Но это всего лишь толпа.
Я выткал надежду из яви и грёз,
Которая в сердце всегда!

Ты посмотришь

Ты посмотришь моими глазами
Через сотни и тысячи лет.
И они, наполняясь слезами,
Прочитают печальный ответ.

Тот же самый, что мне открывался,
И откроется многим другим.
Как бы ты не шумел, не старался,
Не остаться всю жизнь молодым.

Кто-то плавно минует все риски,
Угасая с течением лет.
Кто, забыв о любимых и близких,
Молча тянет к виску пистолет.

Нам известна лишь дата рожденья,
И всё больше несбывшихся снов.
Я сегодня, совсем не хмелея,
Пью за мужество всех стариков.

Другой

Философская лирика

Это тот же самый лес — да не мой.
Та же самая река — да не та.
Это я, но почему-то другой.
Притаилась над рекой тишина.

Расплескалась в небесах синева,
Не опасно и ничем не грозя.
Но ползут по синеве облака,
А проснуться почему-то нельзя.

Я не знаю, как вернуться домой,
Все ушли, и это больше не дом.
Всё своё, как говорится, с собой,
А реальность притворяется сном.

Там, откуда я пришёл, — я чужой,
Но напрасно так стремился сюда.
Это тот же самый лес — да не мой.
Та же самая река — да не та.

Беззаботный

Смогу ли стать я беззаботным?
Пусть не сейчас, когда-нибудь.
Или признать, что невозможно
Покинуть этот скорбный путь?

Искать и находить, теряя,
И знать, что смысла в этом нет.
И жить, уже не забывая,
Что я — всего лишь человек.

А я хочу однажды утром
Проснуться и легко понять,
Что жизнь — это совсем не мука,
И день восторженно принять.

Петербург

Душа впустила ночь и тишину,
Меня обнял уставший за день город.
И кажется, что я сейчас пойму,
Чем именно он близок мне и дорог.

Тревожен ровный свет от фонаря
И вековую тень вокруг сгущает.
В гранит одета сонная Нева
И берег нежно гладит и ласкает.

Здесь всё иначе, всё совсем не так,
Другое место и другие люди.
Слились Санкт-Петербург и Ленинград,
И кто здесь был, об этом не забудет!

Я верю в созидательность добра,
Его противник — хаос разрушений.
Наш город выстоял! Да будет так всегда!
Для нас и для грядущих поколений!

Телевизор

Я телевизор больше не включаю
И не смотрю последних новостей.
Названий сериалов я не знаю,
И мир вокруг всё ярче, всё светлей!

Не вижу больше белозубых денди
С рекламой от бесчисленных хвороб.
Грязнули, невоспитанные дети
Стирают без меня свой гардероб.

Герои от безумных сценаристов
Всё сокрушают на своём пути.
Не учат их прожить светло и чисто
Свои нечаянно придуманные дни.

Гламур мне чужд по смыслу и по духу,
Не нахожу в нём признаков души.
И в мотыльках, порхающих по кругу,
Я вижу больше чувств и красоты.

И, может быть, теперь, когда есть время,
И возвращается потерянный покой,
Я сброшу это тягостное бремя —
Следить за меркантильной суетой!

Философская лирика

Точка зрения

Прочёл в стихах недавно брань и грубость,
Преодолев поломанный размер.
Моя ли, современников ли трудность?
У классиков опять ищущ пример.

Возможно, это — взлёт высокой музыки,
Её очаровательный каприз?
Читатели, как я, — одна обуза
И просвещённых просто тянут вниз?

Но хочется найти в стихах иное,
Немного музыки, немного тишины.
Почувствовать прилив щемящей боли
И радость от волшебной красоты!

Подожди

Не скрипят, опустели качели,
Спят скамейки в унылых дворах.
Мы когда-то могли и умели,
Это скрыто в потухших глазах.

Здесь гудят азиатские ветры,
Европейские хлещут дожди.
Бесконечных лесов километры,
Но колёса стучат: «Подожди!»

Подожди, скоро солнце пробьётся
Сквозь постылые полчища туч.
И к усталой земле прикоснётся
Возрождения ласковый луч.

Созвучие

Ты уходишь медленно и плавно,
Не тревожишь и не ранишь зря.
Листья шепчут, падая, о главном.
Заполняют книгу бытия.

Осень плачет, размывает чувство,
Укрывает милый сердцу след.
На душе торжественно и пусто,
И не ярк сумеречный свет.

Я созвучен общему несчастью,
До весны всё погрузилось в сон.
Чувствую себя ничтожной частью,
Брошенной в пучину стылых волн.

Одинокий и неторопливый,
Я иду по лужам не спеша.
Мир вокруг любезно молчаливый.
Хриплой флейтой мается душа...

Взгляд

Взгляд, движение души,
Мимолётное влечение.
Проба юных, нежных сил.
Так невинно развлеченье!

Взгляд хозяйки на раба
Или матери на сына,
Сладок плен, проста игра,
Так ли уж она невинна?

Краткий взгляд из-под ресниц,
Жертва просит и страдает.
«Нет», — ответ или каприз?
Никогда никто не знает.

В глубине зелёных глаз
Есть тепло, но это тайна!
Может, к счастью, в этот раз
Жду случайного свиданья.

Звери спят

Звери спят у тебя на могиле,
В тёплых норках, нарытых в снегу.
Чтобы домики им не разрушить,
Я ступаю легко, как могу.

Может быть, им доверены тайны
За границами яви и сна?
Может быть, ледяными ночами
Ты уже не бываешь одна?

Может быть, их сюда привлекает
Свет и шёпот невинной души?
...Звери спят у тебя на могиле,
А не где-то в привычной глуши...

Стихотворения о любви

Сядь поближе

Сядь поближе, обними, прижмись,
Помолчим, поплачем обо всём.
Почему всё время смотрим вниз,
Мы с тобой так правильно живём?

На меня тихонько посмотри,
Не спеши, есть время до утра.
Снег идёт снаружи и внутри,
Намело сугробы по углам.

Это я подумал или ты?
Думаем и чувствуем одно.
Достигать подобной глубины
Нам ни с кем другим не суждено.

Ты так любишь танцевать, кружась,
Ноги не касаются земли.
Но стареешь, молча наклоняясь,
На вокзале, красном от зари.

Не весной, а осенью нашлись,
Может быть, не встретимся потом.
Это не причуда, не каприз,
Просто очень правильно живём.

Ещё вчера

Ещё вчера прекрасное лицо
Пугает неожиданной гримаской;
Всё — новое. Тревожно и тепло.
Что прячется ещё под милой маской?

Ещё вчера знакомые глаза
Обметены наивно белой пудрой...
Всё — новое. Неясная тоска
Свиданье перепутала с разлукой.

В движениях щемяще угловатых
Капризная мелодия слышна.
В порывах то зовущих, то невнятных
Всё – новое. Всё тоже, что вчера.

Локоток

«Дальше будет только интересней», —
Слышу шёпот в сумраке души.
Отзываюсь залихватской песней,
Но не суетись, не мельтеши.

Лишь сегодня, в призрачном угаре,
Отдаюсь хмельному торжеству.
Ни о чём не помню, не страдаю.
Иногда бессмысленно грущу.

Дни ушли. И вслед уйдут другие.
Много ли осталось впереди?
И уже давно не молодые
Что-то в этой жизни мы нашли?

Но сегодня песня не об этом.
Улица качнулась и пошла.
Спят фонари, как солнце летом,
Веселят и радуют глаза.

Я могу, наверно, опереться,
Подхватив за острый локоток?
Ты — моё единственное средство
От печалей, горя и забот.

Костёр

Полыхающим, нечаянным костром
Догораю, так и не замечен.
Как темно, как холодно кругом.
Безответный жар совсем не вечен.

...Ты придёшь. Пошевелишь в углях,
Но, взметнувшись, искры сразу гаснут.
Погрустишь ли, голову склоня,
О несбывшемся и, может быть, прекрасном?

Не печалься

Не печалься, милая подружка,
Знаю я, всё будет хорошо.
Хочешь беспричинную пирушку,
По бокалам разольём вино?

И, как прежде, чуточку хмелея,
Заведём беспечный разговор.
А ты — словно сказочная фея,
Так желанна и лепечешь вздор.

Не сейчас и, может быть, не завтра
Снова рухнем в слякоть суеты.
В этом мире нет для нас богатства,
Счастья нет, есть только я и ты.

Как моряк, тоскующий по суше,
В тесном кубрике хочу создать уют.
Может быть, потом всё будет лучше,
И душа найдёт себе приют.

Лужайка

Мы дружим, как котёнок и щенок,
Спасибо тебе, солнце, за тепло.
Лужайка — наш счастливый уголок,
Там что-то нас таинственно свело.

Соткался мир из света и тепла,
Бодрит война с назойливым шмелём.
Нам не известны смыслы и слова,
Живём играя и игрой живём.

Так далека и нереальна ночь,
Но будет осень, а за ней зима,
При новой встрече разбежимся прочь,
Никто нам не сказал про холода.

Урок

У тебя надулись губки.
Мы не дружим ровно сутки
И не смотрим друг на друга,
Ты мне больше не подруга.

Обозвала грубым словом,
Неприятным, незнакомым.
А ему так улыбалась,
Будто бы в любви призналась.

Раздражённо что-то чертишь.
Подожди, за всё ответишь!
... Ушко, милый завиток...
Вдруг кончается урок.

Взмах ресниц и нежный взгляд.
Заявляю невпопад:
— Ладно, где портфельчик твой?
Провожу тебя домой...

Проза

Посвящение любимому городу

Эссе

Те, кто никогда не был в Санкт-Петербурге, надеюсь, захотят в нём побывать, прочитав эти строки. Надеюсь так же, что те, кому посчастливилось родиться и жить в этом городе, найдут в них, что-то свое родное, может быть, ещё никем невысказанное.

Я люблю этот город. Это нельзя объяснить, нельзя передать ощущение, с которым идёшь по набережным рек и речушек, восходишь на мосты или устало спешаешь по Невскому. Может быть, это можно объяснить тем, что лучшие дни моей юности прошли в этом городе? Дни, когда всё впереди и, так мало позади, дни, когда нет ничего невозможного, и так много хочется сделать.

Не раз я размышлял — где истинное лицо Санкт-Петербурга? В светлой тишине музеев, в причудливой вязи и изящных очертаниях архитектуры старого города? Может быть, в ветреных просторах новостроек и гуле подземки? В воскресной толчее проспектов, сдержанной роскоши гостиниц и отголосках эха уходящих с Московского вокзала поездов? Конечно, я не нашёл ответа. Думаю, что каждый, будь то коренной житель или гость, соприкоснувшись с Санкт-Петербургом, носит в себе свой собственный неповторимый образ города, добавляя при каждой встрече новые штрихи.

Ещё в раннем детстве, едва начиная себя осознавать, я обращал внимание на старинные здания Санкт-Петербурга, тогда еще Ленинграда, на чувства, которые они вызывают. С тех пор плавные закругления узких оконных проёмов, овальные линии, составляющие неповторимые узо-

ры древней архитектуры, ассоциируются у меня с хором таинственно и мягко выводящим мелодию без слов.

Трудно вернуться в прошлое, но можно вернуться в Санкт-Петербург. Он, город, помнит всё и поможет вспомнить тебе. Можно пройти по тесным коридорам института, почти не встречая знакомых лиц, посидеть в пустой аудитории, где, когда-то был счастлив, не зная этого. Потом в маленьком буфете за чашкой кофе с лимоном, как тогда, опять понимаешь: всё впереди. И это будет правдой, ведь город ждёт. И можно снова составить маршрут, чтобы побывать везде, где бывал когда-то или только хотел побывать.

Как описать белые ночи Санкт-Петербурга? Несмотря на поздний час скверы и набережные полны народом, в неясном свете белеют беззаботные лица. Повсюду

слышны музыка, смех. Мосты вот-вот разведут и наша компания в радостном возбуждении. Бежать ли на ту сторону, будет ли там веселей? А кто-то уже бездумно унесся туда, обрекая себя на разлуку до утра. А утром, когда всё уже угомонилось, только торопливые шаги редких прохожих да урчание и стук хлебных фургонов нарушают тишину.

А потом день, бесконечно длинный после бессонной ночи. Летний день с горячим блеском золотых куполов, таинственной зеленью вековой патины памятников. Ощущение же простора и раскованности не покидает даже в узких старинных улочках.

С годами Санкт-Петербург растёт, меняется, ломаются привычные устои, не говорю уже о названиях. Но я спокоен за город. Он выше и мудрее суеты, минутных, приземленных порывов и, изменя-

ясь в мелочах, хранит что-то главное, составлявшее его внутреннюю непохожую сущность. Может быть, это отзвуки мечты и тепло рук людей построивших и подаривших его нам? А мы, что подарим, идущим следом?

А я хожу по своему Санкт-Петербургу, трогаю дома и думаю только об одном, возвращаться сюда снова и снова...

Дух противоречия

Конечно, я помню погремушки на верёвке, натянутой поперёк моей детской кровати. Я мог дотянуться до них руками и провести несложные манипуляции. Помню также круглую деревянную шарманку, покрутив ручку которой, я, к восторгу окружающих, извлекал серию мелодичных звуков. Но, это смутные неотчётливые воспоминания.

Одними из первых осознанных воспоминаний почему-то стали воспоминания несколько другого свойства. К тому времени исчезли верёвочные сетки с ячейками в форме ромбиков по бокам моей кровати. Вероятно, я стал достаточно большим, чтобы не падать всё время на пол.

Маме нужно было куда-то ненадолго отлучиться, но она опасалась оставить

меня одного. В конце концов, она усадила меня на диван и сказала, чтобы я сидел и ничего не трогал. Особенно нельзя было трогать электрическую розетку, которая виднелась на стене над диваном. Мне было тогда где-то около четырёх лет или меньше.

Не знаю почему, но я поступил с точностью до наоборот. Сначала я исследовал доступную мне часть поверхности стола, который стоял рядом с диваном. На столе нашлась заколка для волос. Оказалось, что если её немного разогнуть, оба конца заколки совпадали с отверстиями розетки. Пришлось, однако, приложить некоторое усилие, чтобы заколка зашла поглубже в розетку. Последовала яркая вспышка. Я некоторое время с удивлением изучал остатки заколки и закоптившуюся розетку.

Мама вернулась почти сразу. Узнав о случившемся, она долго допытывалась,

.....

что я почувствовал и где у меня болит. Узнав, что со мной ничего не случилось, она не ругалась, а только удивлялась: «Как ты только до этого додумался?»

Потом мы долго сидели в сумерках и ждали электрика. Я узнал магическое правило для таких случаев – «Нужно заменить пробки». Мы тогда жили в Ленинграде в коммунальной квартире на Псковской улице. Я смотрел в окно и в каждом прохожем видел электрика, о чём громко сообщал маме. Потом мама сказала мне, что у электрика должен быть чемоданчик. Мои сообщения стали поступать реже, но все равно было много разочарований. Когда пришёл электрик, уже стемнело, и я давно перестал смотреть в окно.

Через некоторое время мы поехали в деревню к родственникам. Я был всё также мал и действовал в том же духе. Однажды, я играл во дворе, а взрослые пилили дрова или доски. Мне сказали, что-

бы я ни в коем случае не трогал пилу, потому что можно пораниться. Как только все ушли, я сразу приступил к исследованию опасного предмета. Действовал я настойчиво, но достаточно осторожно, и крови было немного. Но и сейчас на безымянном пальце у меня заметный шрам.

Потом мы пили чай, взрослые курили, а я смотрел в окно. Мне понравилось, как стекло охлаждает мой разгорячённый лоб. Особенно, если к стеклу плотнее прижаться. Мне сказали, чтобы я не нажимал на стекло лбом, потому что могу его разбить. Надо ли говорить, что не прошло и минуты, как стекло было разбито? Потом взрослые ходили по двору, собирали осколки, измеряли раму. Я был несколько смущён тем, что вызвал такое обилие хлопот.

В дальнейшем, я тоже иногда нарушал запреты. Катался, например, на двер-

це шкафа, разбивая посуду. Но почему-то именно эти три случая запомнились мне, как наиболее характерные. Возможно, от того, что я одинаково хорошо запомнил процедуру запрета и последовавший за этим результат.

Сейчас я думаю, что имею достаточно оснований считать себя взрослым человеком. Однако, узнав о том, что чего-либо нельзя делать, я иногда надолго задумываюсь. Действительно ли, например, нельзя сделать вечный двигатель или летать со сверхсветовой скоростью? А если нельзя, то почему?

И очень хочется проверить!

Первое свидание

Мне было уже около двадцати лет, когда я впервые решился пригласить девушку в кино. Получив при этом категорический отказ, я некоторое время пребывал в угнетённом состоянии духа. Она мне нравилась, и я думал, что возможно, это — любовь. Потом, поразмыслив, я пришел к выводу, что отказ моей пассии был не таким уж категоричным. Просто она была занята в этот выходной день. Следовательно, надежда оставалась.

Старшие, умудренные опытом друзья, узнав об этом сочувственно кивали головами.

«Тебе действительно так приспичило?» — поинтересовался один из них.

Я понимал его раздражение. Из-за моих походов срывались некоторые

наши планы. Мы делали записи на магнитофон, учились играть на гитаре и пытались учиться в институте. У нас в то время было много важных дел. Но, видя моё упорство, друзья решили: «Раз уж так получилось, двух мнений быть не может. Я должен вести девушку в кино».

Они отнеслись с пониманием к возникшей ситуации, чем вызвали у меня чувство глубокой признательности. Когда мы уже прощались, старший, наиболее опытный, друг выдал мне последнее напутствие: «Если не попросишь на третий день, она с тобой гулять не будет», — сообщил он.

Сначала я даже не понял о чём идет речь. А когда понял, смутился и очень удивился. В голове у меня тогда царила сумбурная смесь. Она состояла из совершенно идеализированных представлений о любви с некоторым предвкушением

физической близости. Однако, авторитет моего друга в этой области был очень высок, практически непререкаем. Пришлось принять эту информацию к сведению.

«Но почему именно на третий?» — думал я. В этом была какая-то мистика. Это обстоятельство отнюдь не придавало мне уверенности в себе, скорее наоборот.

Девушка работала продавцом в промтоварном магазине. На совершенно негнущихся ногах я отправился на встречу. Тогда я, к сожалению, не знал широко известной сейчас фразы из одного зарубежного фильма. Самое худшее, что может произойти, когда предлагаешь девушке провести с тобой время, — это то, что она пошлёт тебя подальше. А это можно как-то пережить. Почему я не знал раньше столь простой и мудрой формулы?

Со страхом я перебирал в уме слова, которые собирался сказать. По крайней

мере, дважды хотел вернуться домой и подождать более удобного случая. Однако, я подумал, что если сейчас вернусь, уже не будет никаких удобных случаев. И девушек может быть никаких не будет. Так я добрался до магазина, где работала моя избранница. К счастью, она казалась мне довольно привлекательной. Её тело отличалось ярко выраженными и упругими формами. Это обстоятельство неизменно стимулировало моё вдохновение и побуждало к более активным действиям.

Иногда мы подолгу беседовали о кинофильмах, о прочитанных книгах и прочих вещах. Она носила платье с очень скромным вырезом декольте. В узенькой щелке чуть-чуть виднелись груди, и темнело пространство между ними. Это приводило к сладким и томительным мыслям о возможном грехе. Чувствуя, что краснею, я поспешно отводил глаза.

Но вот случилось то, чего я больше всего опасался. В этот выходной девушка тоже была занята. Однако, существовала очень небольшая вероятность, что она сможет освободиться. Мне следовало позвонить в воскресенье около часа дня. Мы могли встретиться, если у неё появится время.

— Этого, конечно не произойдёт, — чопорно заверила девушка.

Встречу назначила в два часа дня на центральной площади у памятника.

Неприятности начались в воскресенье, когда я, дождавшись часа дня, отправился звонить подружке. Едва я открыл дверь будки телефона-автомата и зашел внутрь, на меня посыпались какие-то ржавые уголки и металлические детали. Потом я долго набирал номер и, наконец, сквозь треск и гудение, мне ответил далёкий искажённый голос подру-

ги. Голос сообщил, что мы скоро встретимся, и я отправился на первое в своей жизни свидание.

Едва завидев меня в толпе, ещё за добрые пятьдесят метров, моя избранница помахала рукой с противоположной стороны улицы. Потом, широко жестикулируя и тыкая пальцами в разные стороны, она принялась показывать мне, как лучше перейти дорогу. Глядя, как она вдали отчаянно размахивает руками, пугая прохожих, я впервые усомнился в своих чувствах.

Наконец, мы воссоединились и отправились в ближайший кинотеатр на премьеру нового фильма. Когда в зале погас свет и начался фильм, я понял, что не смогу обнять свою подругу. Мешала спинка кресла. Глядя в полутьме на её строгий профиль и сверкающие глаза, в которых отражалось действие фильма, я не

решался положить руку ей на колено. А, тем более на бедро. Занятый своими мыслями, я почти не обращал внимания на то, что происходит на экране. Однако я заметил, что один из персонажей фильма, героически погибший несколько минут назад, теперь вновь разгуливает по экрану. Когда оный персонаж встретился с другими героями фильма и вступил с ними в ожесточённый спор, в зале зашвыряли и затопали ногами. Зажёгся свет. Оказалось, что киномеханик перепутал бобины. Фильм запустили снова, я посмотрел ещё раз на свою девушку и решил не торопить события. Ведь впереди у меня оставалось ещё два дня. Потом я поехал провожать её домой на автобусе. Всю дорогу до остановки она что-то возбужденно болтала о фильме. Слушать её было совсем неинтересно. Я подумал, что она просто глупа. В тесной духоте автобуса мы молчали.

Глядя на её длинный прыщавый нос, я вдруг с ужасающей отчетливостью понял, что совсем её не люблю. Более того, мне стало совершенно ясно что я никогда не смогу её полюбить. Мы попрощались у калитки её дома, и я в смятенных чувствах отправился домой. Мои идеализированные представления о любви не позволяли давать девушке необоснованные надежды. Я решил, что мне следует поступить честно и не встречаться больше с нелюбимым человеком. Больше мы не виделись. Возможно, девушку постигло разочарование, и мне было её жаль. Но даже несколько месяцев спустя я иногда с удивлением думал: почему всё-таки это должно произойти именно на третий день, а не на второй, или скажем на четвёртый?

С тех пор в моей жизни произошло немало разных событий из тех, что обычно случаются у людей. Многие из них

так или иначе были направлены на то, чтобы заменить мои идеальные представления о жизни на другие. На представления и соображения сугубо практического свойства. Но до сих пор этого почему-то так и не произошло.

Содержание

Избранные стихотворения

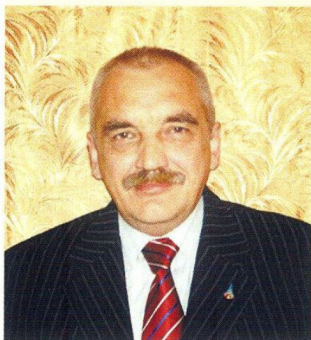
Сонеты

Пленник	4	Тигр	28
Вдвоём	5	Гладиатор	30
Мой мир	6	Ты посмотришь	32
Постскриптум	7	Другой	33
Пророк	8	Беззаботный	34
<u>Философская лирика</u>		Петербург	35
Полёт	9	Телевизор	36
О вечном	10	Точка зрения	37
Верю	11	Подожди	38
На реке	12	<u>Стихотворения о любви</u>	
Ассоциации	13	Созвучие	39
Путь	15	Взгляд	40
Ни о чём	17	Звери спят	41
Оранжевый сон	18	Сядь поближе	42
Времена	20	Ещё вчера	43
Сосуд	20	Локоток	44
Откровения поиска	21	Костёр	45
Пора	21	Не печалься	46
Всё впереди	22	Лужайка	47
У последней черты	23	Урок	48
Всё в порядке	24	<i>Избранная проза</i>	
Виноват	24	Посвящение любимому	
Томление	25	городу	50
Догма	26	Дух противоречия	55
Счастье	28	Первое свидание	60

© Verlag «STELLA»
Max-Liebermann-Weg 14
71065 Sindelfingen
Deutschland
<http://stella.ucoz.de>
artstellapro@gmail.com
Tel. +49 (0) 7031 4282498

ISBN 978-3-941953-92-5

Дмитрий Трипутин.

Родился в Ленинграде. В 1987 году закончил Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.

Инженер. Ветеран труда.

Имеет более пятнадцати печатных публикаций. Издал персональный сборник стихов «Пленник».

Победитель, лауреат и номинант международных поэтических конкурсов.

